

Трансформация, стабилизация или консервация: политический кризис 2014–2017 гг. в Юго-Восточной Европе

Александр А. Пивоваренко

*Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Россия, aleksandar.a.p@ya.ru*

Аннотация. С 2013 г. в целом ряде государств Центральной и Юго-Восточной Европы произошли политические кризисы, обнажившие системные проблемы как этих стран, так и региона в целом. Одновременно протекают кризисы более высокого порядка, связанные с острыми вызовами европейской интеграции и евро-атлантической безопасности, а также ухудшением отношений России и Запада. Все это требует критического переосмысления процессов, развивавшихся в регионе с 1991 г. В статье дается оценка некоторым итогам постсоциалистической трансформации в Юго-Восточной Европе в контексте текущей политической ситуации. Используя традиционные методы исторического исследования (нарративный, ретроспективный, сравнительный, структурный) в сочетании со страноведческим и регионоведческим анализом, автор показывает, что результаты «демократического транзита» не столь однозначны. Социально-экономический кризис, структурные проблемы, сохранение и утверждение авторитарной формы правления наряду с сохраняющимися этнополитическими вопросами, демонстрируют, что традиционный взгляд на постсоциалистическую трансформацию как на поступательный переход от социалистической авторитарной к капиталистической демократической государственной формации, сегодня терпит неудачу. Отсутствие современных подходов к оценке ситуации в регионе отражает неопределенное будущее Юго-Восточной Европы, которая, по всей видимости, возвращается к исторической роли «игрового поля» для великих держав.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, постсоциалистическая трансформация, популизм, евроскептицизм, авторитаризм

Для цитирования: Пивоваренко А.А. Трансформация, стабилизация или консервация: политический кризис 2014–2017 гг. в Юго-Восточной Европе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 1(11). С. 116–135. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-116-135

Transformation, Stabilization or Conservation: the Political Crisis of 2014–2017 in South-Eastern Europe

Alexander A. Pivovarenko

*Russian Academy of Sciences Institute of Slavonic Studies,
Moscow, Russia, aleksandar.a.p@ya.ru*

Abstract. Since the year 2013 the vast group of states in Central and South-Eastern Europe have suffered political crisis. It exposed the systemic problems of these countries – as well as the problems of the whole region. These local crises are taking place along with the crises on the higher level – the crisis of the European integration, of the Euro-Atlantic Security, accompanying the deterioration of the relations between the West and Russia. All this shows that the reevaluation of the processes that have developed since 1991 in Europe is needed.

The author of the article gives his estimation of the results of the post-socialist transformation in South-Eastern Europe in the context of the current political situation in the countries. Using traditional historical methodology (narrative, retrospective, comparative and structural methods) as well as the country and area studies, he shows that the results of the transformation are not so unambiguous. The socio-economic crisis, the structural problems, the rise of authoritarianism along with the remaining ethnical issues show that the traditional view on the transformation as a progressive transition from the authoritarian socialist to the democratic capitalist state system has failed. The lack of a modern approach that might reflect all current regional trends demonstrates the uncertain future of South-Eastern Europe which is probably returning to its historical role of a playground for the Great Powers.

Keywords: South-Eastern Europe, Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Macedonia, post-socialist transformation, populism, euroscepticism, authoritarianism

For citation: Pivovarenko AA. Transformation, Stabilization or Conservation: the Political Crisis of 2014–2017 in South-Eastern Europe. *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*. 2018;1(11):116-35. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-1-116-135

Введение

Внимательное и критическое рассмотрение процессов, развивающихся в странах и регионах, относящихся к компетенции Европейского союза, обусловлено как теоретической, так и практической необходимостью. «В начале 90-х годов прошлого века казалось, что “национальное” уходит, а приходит “интернациональное”, т. е. глобализация. Но международная жизнь стала более сложной и непредсказуемой. Европейские страны, да и другие государства, столкнулись с новой, до конца не исследованной геополитической реальностью, новыми кризисами и конфликтами» [1 с. 16]. Линейное восприятие исторического процесса, подкрепленное распространением в начале 1990-х гг. концепции «конца истории», обусловило зарождение транзитологии – специфической отрасли знания, изучающей переход стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЕ и ЮВЕ) к рыночной экономике и либеральной демократии западноевропейского образца. Время показало ее недостатки. Например, транзитология не способна дать внятное объяснение обнаружившейся в последние годы тенденции к авторитаризму в ряде стран ЦЕ и разрушению казавшейся устоявшейся в середине 2000-х гг. двухпартийной политической системы.

Практическая необходимость обусловлена кризисом отношений России и Запада, открытая фаза которого возникла в начале 2014 г. Есть все основания утверждать, что он носит системный и долгосрочный характер. Наряду с этим определенные трения существуют и в западном военно-политическом блоке. Они пролегают по ряду векторов: США – ЕС, ЕС – Великобритания, Брюссель – Варшава (Берлин – Варшава) – и в широком контексте споров между европейским центром и периферией по поводу концепции «Европы двух скоростей». Наконец, речь председателя Европейской комиссии Жана Клода Юнкера 13 сентября 2017 г., провозгласившего необходимость централизации и дальнейшей экспансии ЕС [2], может привести к конфликту между брюссельской евроадминистратцией и национальными правительствами в лице не только Польши и Венгрии, но и более широкой группы стран.

Рассматривая политические процессы в Юго-Восточной Европе, можно заметить, что за последние несколько лет практически каждая страна – от Румынии и Болгарии на востоке до Албании на западе – пережила ту или иную форму политического кризиса. Многотысячные демонстрации, досрочные выборы, коррупционные скандалы, отставки правительств и импичменты (либо их попытки), равно как и использование сомнительных с точки зрения демократии методов, стали обычным элементом политической практики. Изображение истории последних 26 лет как последовательного продвижения к демократии терпит неудачу при внимательном изучении политических процессов на юго-восточной периферии Европы. Требуются новые непротиворечивые концепции, построенные на фактическом материале, способные дать оценку пути, пройденного странами этого региона за последние 25 лет, и обозначить его перспективы.

Периферийное положение, еврооптимизм и евроскептицизм

Отправной точкой для нашего рассуждения является констатация того, что в меняющемся сегодня Европейском союзе Центральная и Юго-Восточная Европа занимает периферийное место и зависит от трендов, задаваемых лидерами интеграционного объединения. Если вступление в ЕС (или, для ЮВЕ, подготовка к вступлению) привело к оживлению экономик стран региона, то экономический кризис 2008 г. обнажил их слабые места, связанные с увеличивающимся объемом внешнего долга, высокой безработицей¹, ростом цен на коммунальные услуги и периферийным характером хозяйственного уклада. Стала очевидной неспособность достичь уровня развития, сопоставимого с уровнем лидеров ЕС. «Даже Чехия и Словения, которые являются самыми развитыми странами ЦВЕ, уступают старой Европе по душевому объему ВВП в 1,4 и в 1,2 раза, а самые отсталые Румыния и Болгария – в 2,5 раза. Так что тенденция сближения Востока и Запада Европы по уровню экономического развития, которая, казалось, наметилась в начале

¹ Так, в 2015 г. в благополучной Словении безработица составляла 11,6 %, а за чертой бедности проживало 13,5 % населения. Уровень безработицы в Сербии достигал 18,9 %. В Хорватии 19,5 % населения проживало за чертой бедности [4].

века, прервалась и мало надежды на ее восстановление» [1 с. 21]. Объявление в начале 2017 г. проекта «Европы двух скоростей» указало на статусное различие между европейским центром и его периферией.

Как следствие в Центральной Европе стал разрушаться общественный консенсус, связанный с идеей евроинтеграции. По результатам выборов 2010–2012 гг. ни в одной из стран ЦЕ не сохранили власть партии, стоявшие у истоков евроинтеграции. Из статуса маргинальных вышли антисистемные партии (такие как «Йоббик» в Венгрии), началась радикализация прежних центристских партий, таких как «Фидес» в Венгрии и «Право и справедливость» в Польше [3 с. 219–221].

Наиболее близкой по степени реакции к Центральной Европе оказалась Словения. Экономический кризис в этой стране привел к поражению традиционных право- и левоцентристских политических партий на выборах 2014 г. Победила же «Партия современного центра» М. Церара, созданная за шесть недель до выборов и объявившая, что Словении требуется «новая политическая культура» [5]. В некотором смысле победу М. Церара можно сравнить с успехом Э. Макрона во Франции – при том, что она состоялась на три года раньше.

Несмотря на всю феноменальность этого успеха, М. Церар является продуктом политической культуры Словении. Его никак нельзя назвать радикальным политиком. Возможно, он, наоборот, является одним из наиболее умеренных в нынешнем политическом ландшафте Европы. Однако сам факт его победы показателен, как и последовавший вслед за этим (временный?) слом двухпартийной системы.

В этом смысле Словения недалеко ушла от остальных стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые с 2013 г. оказались значительно ближе к однопартийной системе, чем к классической для нулевых годов двухпартийной право-левоцентристской системе. Показательна в этом отношении карьера премьер-министра Болгарии Б. Борисова, сумевшего переизбраться на руководящий пост вскоре после своей отставки, вызванной социально-политическим кризисом 2013–2014 гг., спровоцированным увеличением цен на электричество (вследствие принятого в марте 2013 г. решения об окончательном закрытии АЭС «Белене»). В Сербии после периода «многопартийной анархии» 2000-х гг. политическая система концентрируется вокруг фигуры Александра Вучича. Произошел отход от двухпартийности в Хорватии. В других республиках, несмотря на декларируемый плюрализм, власть является еще более персонифицированной.

В некоторой степени эти процессы поддерживаются Брюсселем. Так, победа А. Вучича на выборах 2016 и 2017 гг. определенно устроила Брюссель ввиду очевидного прогресса по косовскому вопросу. Как следствие достаточно существенные нарушения в ходе голосования не были замечены международными наблюдателями. Прямо противоположным образом европейцы и американцы действовали в 2014–2017 гг. в Македонии, когда режим Н. Груевского перестал их устраивать.

В возвращении к персонифицированному стилю правления, в сущности, нет ничего удивительного. Об установлении «эры демократии» и прекращении «эры конфликтов» говорили и в 1920-е гг., на волне оптимизма после окончания Первой мировой войны. В реальности же десятилетие спустя вся Европа (за исключением экономически развитых Франции и Великобритании) оказалась охвачена модными идеями фашизма, приведшими к авторитаризму. Авторитарная волна возникла и в Восточной Европе: Александр Карагеоргиевич в Югославии, Хорти в Венгрии, Зогу в Албании, Борис III в Болгарии, Метаксас в Греции. Приход этих лидеров стал выражением объективных задач – за счет централизации экономики и директивных методов управления решить экономические проблемы молодых государств и постараться догнать ушедшие вперед развитые страны. Сегодня перед балканскими государствами стоят во многом схожие задачи.

Укоренение однопартийности происходит как благодаря, так и вопреки общественным тенденциям. В Болгарии прошли акции протеста. Вместе с тем, несмотря на худшие экономические показатели в ЕС, уровень доверия к Евросоюзу в этой стране остается одним из самых высоких.

В западной части Балкан авторитарные тенденции зачастую сопровождаются общественным недовольством. Так, по итогам президентских выборов в Сербии 2 апреля 2017 г., закончившихся победой А. Вучича (55 %), в Белграде и десятке других городов в течение 58 дней (3 апреля – 31 мая) проходили демонстрации людей, недовольных результатом выборов [6]. Другой формой выражения недовольства является запрос на политическую альтернативу и протестное голосование. Ярким его примером служит избирательная кампания сербского комика Луки Максимовича, выступавшего под псевдонимом и набравшего, без всякой финансовой поддержки, 9,42 % голосов. Несколько раньше, в 2015 г., на президентских выборах в Хорватии еще более весомого успеха добился 25-летний Иван Синчич (движение «Живая стена»), набравший 16,42 % голосов, располагая избирательным фондом всего в 11 тыс. евро [7]. В парламентах Хорватии и Сербии присутствуют партии

«Живая стена» и «Двери», еще четыре года назад являвшиеся студенческим движением и маргинальной политической партией.

Выход этих движений из категории несистемных символичен, так как он выражает существующий в регионе запрос на политическую альтернативу, подкрепляющийся критическим анализом действительности и югоностальгией. С другой стороны, движения слабы, они не могут предложить внятную программу действий и, возможно, через некоторое время дискредитируют себя, не справившись с испытанием парламентской деятельностью. Таким образом, запрос на альтернативу является новой тенденцией, однако она пока весьма слаба для того, чтобы составить конкуренцию другой тенденции – возвращению к авторитаризму (или его элементам) во внутренней политике. Сам факт этого возвращения, противоположный дискурсу об утверждении и поступательном развитии демократии, популярному некоторое время назад, говорит о том, что исторический процесс развивается скорее циклично, нежели поступательно. И сегодня регион Центральной и Юго-Восточной Европы по своим параметрам несколько ближе к периоду 1930-х гг., чем к периоду начала нулевых годов.

Трансформация или консервация?

Согласно устоявшемуся представлению, политическая динамика Центральной и Юго-Восточной Европы была задана «бархатными революциями» конца 1980-х – начала 1990-х гг. Последней из них стала «бульдозерная революция» в Сербии. Она же открыла эпоху «цветных», или «электоральных» революций 2000-х. По оценке К. В. Никифорова, они были призваны доделать то, что не смогли довести до конца «бархатные революции», и оказались нацелены на разрешение противоречий, которые проявились уже в период постсоциалистической трансформации [с. 14–15]. Также «цветные революции» заострили проблему внешнеполитической ориентации ряда стран – той же Сербии, где отсутствует консенсус по поводу вступления в ЕС и НАТО. Причем водораздел проходит по срединной линии этого вопроса: если большинство сербов все-таки склоняется к членству в ЕС, то НАТО-интеграцию поддерживает меньшая часть населения.

Однако «цветные революции» (вне зависимости от того, применимо ли к этому явлению понятие «революция») проходили прежде всего в регионах стратегического окружения ЕС: на постсоветском пространстве, в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Центральная и Юго-Восточная Европа оказалась не

затронута ими – при том, что противоречия в этом регионе очевидно существуют. В итоге «процесс текущего развития Восточной Европы крайне сложно характеризовать привычными терминами, такими как авторитаризм или вождизм, либерализм и демократия» [4 с. 215]. Как никогда заметны особенности, проявляющиеся индивидуально в каждой стране и обусловленные как национальной, так и культурной спецификой. Что касается политической системы, то, за исключением отдельных примеров (Македония), с 2001 г. произошла стабилизация или даже консервация режимов, обуславливающаяся в том числе с внешней помощью.

Не являясь способными ответить на вызовы фундаментального свойства (прежде всего социально-экономические), но желая сохранить свое привилегированное положение, политические режимы вынуждены обращаться к проверенному средству – национализму, играя на нерешенных политических и территориальных спорах. Они охватывают целый комплекс вопросов, включая легитимность границ и самоопределение наций. Наряду с этим демонстративные националистические акции, проводящиеся режимами, могут быть использованы для возбуждения общественного внимания – и сокрытия тем самым реальной повестки. Ярким примером является позиция Сербии по отношению к Косово – демонстративные акции вроде направления в край поезда, украшенного сербской символикой, в январе 2017 г. сочетаются с переговорами в рамках Брюссельских соглашений (апрель 2013 г.), в ходе которых Белград сделал ряд важных уступок Приштине. Сочетание этих действий разной направленности подтверждает очевидное: противоречия в Юго-Восточной Европе носят не только политический, но и этнополитический и идеологический характер.

Уместно напомнить, что демократический транзит в странах бывшей Югославии осуществлялся по несколько иным шаблонам, чем в государствах Центрально-Восточной Европы.

В Хорватии, наиболее благополучной и устойчивой из балканских стран, перемены конца 1980-х – начала 1990-х гг. носили скорее характер национальной революции, а модернизация политической системы была второстепенным вопросом. В итоге до 1999 г. в стране существовала фактически однопартийная система, венцом которой была президентская власть Ф. Туджмана. Хотя во второй половине 1990-х гг. режим столкнулся с жестоким кризисом и многотысячными протестами в ходе «Загребского кризиса» 1995–1997 гг. (который по ряду признаков можно классифицировать как несостоявшуюся «цветную революцию»), транзит власти после смерти Туджмана был осуществлен не революционными, а институциональными средствами. В результате Хорватия

стала парламентской республикой, а оппозиционная коалиция во главе с Социал-демократической партией (СДП) дважды (2000 и 2011 гг.) выиграла парламентские выборы. Однако уже в 2010-е гг. ситуация изменилась. С 2013 по 2016 г. социал-демократы проиграли пять выборов подряд. Победы Хорватского демократического содружества (ХДС) и неудачи СДП происходили вопреки коррупционным скандалам, сотрясающим партию ХДС (в 2015 г. примеру И. Санадера, покинувшего пост премьер-министра республики по обвинениям в коррупции, последовал председатель партии и вице-премьер Т. Карамарко, вынужденный оставить оба поста), а также длительным периодам существования страны без работоспособного правительства – в 2015–2016 гг. таковое в Хорватии фактически отсутствовало из-за перевыборов и длительных переговоров о пражской коалиции.

Череда неудач оппозиции привела к отставке лидера СДП Зорана Милановича (премьер-министр Хорватии в 2011–2015 гг.). Считавшийся одним из умнейших людей Хорватии, ближе к концу срока З. Миланович подвергся критике за самонадеянность, соседствующую с неспособностью дать ответ на актуальные вызовы (такие как миграционный кризис осени 2015 г.). Сегодня перед СДП, как и в начале 1990-х гг., стоит задача поиска новых ориентиров и лидеров, способных вернуть ее на ведущие роли.

Слабостью оппозиции пользуются правящие силы, пытающиеся окончательно переломить ситуацию в вопросе национальной самоидентификации. Переименование в Загребе площади Йосипа Броз Тито 1 сентября 2017 г., инициированное депутатом ХДС З. Хасанбеговичем (представителем так называемой усташской линии в партии), показывают их готовность пойти еще дальше в деле отказа от рудиментов социалистической традиции, в начале 1990-х являвшейся цементирующим компонентом новой хорватской государственности (нынешние границы Хорватии – границы социалистической республики) [9]. Вероятно, считается, что спустя 25 лет легитимность современных границ более не подвергается сомнению. Однако нерешенные вопросы существуют. Прежде всего это проблема исторически автономных регионов Истрия и Далмация, автономизация которых может быть осуществлена (при определенных условиях и драматическом стечении обстоятельств) по каталонскому сценарию. Кроме того, существует проблема хорватского меньшинства в Боснии и Герцеговине (БиГ). В итоге отказ от двухпартийной структуры, сложившейся в 2000-е гг., может быть чреват радикализацией политической повестки (как с правой, так и с левой стороны) и обострением вопросов регионального значения.

Иной пример дают Сербия и Черногория, где в конце 1980-х гг. состоялась так называемая антибюрократическая революция, внесшая свой вклад в процесс распада социалистической Югославии. Ее результаты для двух республик отличаются. С 1989 г. правящий режим в Черногории не менялся. Массовые акции протеста в ноябре 2015 г. были поданы в средствах массовой информации (как в России, так и на Западе) в русле геополитического выбора Черногории между Россией и НАТО. Однако важно подчеркнуть, что большая часть демонстрантов выходила на площадь именно под лозунгами за отставку премьер-министра М. Джукановича [10]. Примечательно, что партию М. Джукановича критикуют как антинатовские и просербские силы, так и политики евро-атлантической ориентации, такие как 32-летний депутат от партии «УРА» Дритан Абазович. Отставка М. Джукановича с поста премьер-министра 28 ноября 2016 г. не должна вводить в заблуждение, так как правящая Демократическая партия социалистов сохраняет свои ведущие позиции, а М. Джуканович является ее председателем. Если А. Лукашенко называют последним диктатором Восточной Европы, то режим М. Джукановича в некотором смысле может считаться его балканским эквивалентом, разрушающим стройную картину демократического транзита. В борьбе за свое выживание этот режим не гнушается использовать репрессивный аппарат – иначе как объяснить судебное преследование в отношении оппозиционного блока «Демократический фронт», не поддержавшего вступление Черногории в НАТО. Осознание того факта, что смена режима должна рано или поздно свершиться, делает ситуацию в республике нестабильной как минимум до следующего избирательного цикла. Положение усугубляет использование нынешними властями страны в качестве идеологической надстройки концепции «особой черногорской нации». Это автоматически ставит на передний план проблему сербско-черногорских отношений и определения разницы между понятиями «сербская нация» и «черногорская нация», которая является нечеткой.

Что касается Сербии, то она пережила фактически две революции. Результатом «антибюрократической революции» стало утверждение у власти С. Милошевича. «Бульдозерная революция» октября 2001 г. закончилась его свержением. В результате на 12 лет в политической жизни страны воцарилась «многопартийная анархия»: так, в результате выборов 2007 г. в сербской Скупщине оказалось 17 политических партий. Этот период завершился в 2012 г., когда началось восхождение А. Вучича, превратившегося в самого могущественного политика Сербии со времен С. Милошевича. Так политическая система совершила полный круг и вернулась

к своему началу. Безусловно, между двумя руководителями существуют отличия, в том числе эстетического свойства. Но есть и сходства: переход А. Вучича с главной (согласно Конституции) должности премьер-министра на формально малозначащий пост президента Сербии и назначение вместо себя протеже в лице А. Брнабич является типичным маневром, использовавшимся в 1990-е гг. С. Милошевичем (перешедшим с должности президента Сербии на должность президента Югославии, которая стала более значимой в иерархии федеративного государства только после того, как в 1997 г. ее занял С. Милошевич). Подобную практику «теневое правление» также осуществляют М. Джуканович в Черногории и Х. Тачи в Косово. Следует подчеркнуть, что от характера политических процессов в Сербии зависит круг вопросов регионального порядка: политический кризис в Сербии как центральной стране региона может непредсказуемым образом сказаться на Республике Сербской (РС) Боснии и Герцеговины, как и на ситуации в Черногории, Боснии и Герцеговине, Косово. Именно поэтому на данном этапе Европейский союз заинтересован в наличии у власти в Сербии авторитарного политика типа А. Вучича, способного действовать вопреки политическим институтам и общественному мнению.

Босния и Герцеговина

Сложнее оперировать категориями демократического транзита применительно к Боснии и Герцеговине и Македонии – странам с замороженными этническими и территориальными конфликтами. В 2000-е гг. ситуация в них являлась патовой. Понятия «дейтонская Босния» и «охридская Македония» стали синонимами замороженных этнополитических конфликтов. Однако постепенно намечается пересмотр сложившихся компромиссов.

Потенциальная «разморозка» ситуации в БиГ обусловлена тремя факторами: меняющейся структурой населения (по итогам переписи 2013–2016 гг. численность боснийских мусульман впервые превысила 50 %) [11], повышением внимания к Балканам Евросоюза после 2014 г. и наличием в самой республике протестного потенциала, который начинает прорываться наружу. Первым сигналом к возможной ревизии дейтонского устройства для экспертов стали акции протеста в Сараево, Тузле и других городах мусульманской части БиГ, получившие название «боснийская весна» [12]. С 2014 г. проходят регулярные акции в Республике Сербской. Наиболее масштабной стала акция 14 мая 2016 г., когда в центре Баня Луки состоялись два параллельных митинга – за и

против президента РС М. Додика [13]. Очередным рубежным этапом должны стать выборы 2018 г., по итогам которых определятся перспективы БиГ по двум векторам: централизация государства и перспективы РС и вступление БиГ в евро-атлантические структуры. Хотя М. Додику удастся справиться с ситуацией, протестный потенциал не ослабевает: в 2017 г. акции протеста – под социальными лозунгами, но с политической направленностью – продолжались [14]. Кроме того, перед М. Додиком, находящимся на руководящих постах с 1998 г., стоит проблема переизбрания. Существует возможность, что на выборах 2018 г. он будет впервые баллотироваться в Президиум БиГ, а руководящие посты в РС займут его преемники по партии «Союз независимых социал-демократов» (СНСД) [15].

Особенностью транзита в Боснии и Герцеговине стала постановка принципа многопартийности в полную зависимость от принципа этничности. Попытки формирования политических сил на наднациональной основе пока безуспешны. Однако они продолжаются. В сентябре 2017 г. была создана новая партия «Независимый блок» Сенада Шепича, которая позиционирует себя в качестве надэтнического движения евро-атлантической ориентации. «Наступает время новой политики – мы верим, что граждане поддержат наше намерение освободить Боснию и Герцеговину и дать ей европейскую перспективу», – говорилось на учредительном заседании партии [16]. Создание новой партии поддержала канцлер Германии А. Меркель, направившая поздравительную телеграмму, а на заседании «Независимого блока» присутствовал Джон Хейворд – представитель Консервативной партии Великобритании. Таким образом, появление этой партии можно понимать как попытку предложить политическую альтернативу, перехватив инициативу у более радикальных сил. Участие в судьбе партии представителей западноевропейских сил указывает на возможный характер заочной политической конкуренции в регионе.

Косовско-македонский сюжет

Македония – единственная страна, где транзит 1990–1991 гг. осуществлялся согласованно экс-коммунистами и националистами: президентом был избран К. Глигоров, вице-президентом стал лидер партии «Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское национальное единство» (далее – ВМРО) Л. Георгиевский, также было создано внепартийное «правительство экспертов» [17 с. 31]. В 1998 г. после

победы ВМРО в правительство вошла Демократическая партия албанцев. Так сложилась формула македонской власти, закрепленная Охридскими соглашениями 2001 г. и существующая по сей день.

Политический кризис, разразившийся в Македонии в апреле 2014 г., стал ярким примером международного вмешательства. Фигура лидера Социал-демократического союза Македонии (СДСМ) З. Заева открыто лоббировалась как европейскими, так и американскими дипломатами. Также был создан прецедент дискредитации государственных институтов в результате событий 27 апреля – прорыва вооруженной толпы в здание македонского парламента. В конце концов кризис завершился сменой режима и приходом к власти СДСМ 31 мая 2017 г. Однако условия, на которых сложилась новая коалиция между СДСМ и албанскими партиями, могут привести к разрушению структуры, созданной Охридскими соглашениями 2001 г. Речь идет о так называемой «Тиранской платформе», предусматривающей, согласно известному тексту документа, предоставление албанскому языку статуса равноправного с македонским, равное представительство албанцев и македонцев в государственной администрации, армии и силовых структурах, «более справедливое» распределение финансовых средств между общинами (означающее увеличение финансирования албанских общин) и ряд символических мер, включая пересмотр государственной символики и принятие резолюции, осуждающей геноцид албанского народа в 1912–1956 гг. [18]. Хотя бы частичная реализация этих мер чревата изменением облика македонского государства и его децентрализацией.

Другая линия конфликта пролегает в плоскости двухпартийного противостояния. Вскоре после смены власти в Македонии закрылся ряд газет и журналов, связанных с ВМРО («Утрински весник», «Дневник», принадлежащие издательскому дому «Медиа-принт Македония»). Придя к власти, партия СДСМ, как и ее оппоненты в недавнем прошлом, не гнушается сомнительными методами для стабилизации своего режима, используя для судебного преследования политических противников так называемую Спецпрокуратуру (особый следственный орган, созданный в годы кризиса). В результате вопрос политического будущего ВМРО остается открытым. Возможна реализация одного из четырех сценариев: смена политического руководства в лице Н. Груевского и окончательный переход ВМРО в оппозицию; сохранение Н. Груевского в качестве руководителя ВМРО и продолжение конфронтации с СДСМ; некая производная от первых двух вариантов; этнический конфликт. В любом случае такое положение дел означает слабую

состоятельность идеи «поступательного транзита», важнейшей чертой которого является стабилизация и демократизация политической системы.

Отдельно необходимо сказать о ситуации в Косово. Наиболее емкое описание результатов международного протектората дает итальянский автор А.Л. Капуссела, работавший в крае по линии ОБСЕ. Он отмечает, что после конфликта 1999 г. в Косово было направлено в 50 раз больше войск и в 25 раз больше финансовых средств, чем в Афганистан после войны 2001 г. С 1999 г. край получил более 4 млрд евро (при том, что в Косово проживает всего 1,8 млн жителей). Даже спустя 12 лет, в 2011 г., объем финансовых дотаций на душу населения в 19 раз превышал средний объем финансовой помощи развивающейся стране [19 с. 12]. Несмотря на это спустя 15 лет международного протектората край остается самой неразвитой областью бывшей Югославии с безработицей порядка 30 %. Эта особенность ярко проявилась в ходе миграционного кризиса 2015 г., когда наряду с беженцами из Ближнего Востока в числе лидеров по запросу об убежище в ЕС были жители Косово².

Одна лишь констатация данных параметров означает, что рассуждать применительно к Косово в категории «демократического транзита» опрометчиво. Эта частично признанная территория по меньшей мере сильно задержалась на пути трансформации.

Сегодня перед Брюсселем встает задача преобразования косовского режима, основывающегося в значительной степени на клановых связях, и создания для него презентабельной европейской упаковки. Эта проблема в стратегической перспективе представляется не менее, а то и более важной, чем нормализация отношений с Белградом и интеграция северного Косово, где проживают сербы, в политическую систему края (в решении последних двух проблем Брюссель с 2013 г. добился значительного прогресса).

С одной стороны, в крае существует запрос на альтернативу. Как отмечал в своем докладе представитель ООН в Косово Захир Танин по итогам парламентских выборов 11 июня 2017 г., «основным фактором, повлиявшим на данные изменения, вероятно, стало нарастающее изменение состояния умов многих избирателей, особенно среди молодого поколения, для которого главным источ-

² По данным Eurostat, Косово находится на четвертом (66 885 человек), а Албания на пятом (65 935) месте в списке стран, граждане которых в 2015 г. обратились в страны ЕС с просьбой об убежище. Это единственные европейские страны в списке. Первые три места занимают Сирия, Афганистан и Ирак [21].

ником забот сегодня являются вопросы занятости, доступности образования, экономические возможности, а также снижение коррупции и укрепление законности» [20]. С другой стороны, на этот запрос сегодня отвечают преимущественно радикальные силы, такие как партия «Самоопределение» (Vetëvendosje) А. Курти, получившая 32 места (27,49 %) и увеличившая свое представительство на целых 16 мест. Данную партию отличает сочетание радикальной националистической риторики с конфронтационной позицией по отношению к собственным правящим силам (Р. Харадинай, Ф. Лимай, Б. Паколли, А. Курти). Очевидно, это не совсем то, что может устроить Брюссель (при условии его заинтересованности в стабилизации региона). Таким образом, ему еще предстоит найти легитимную и «благопристойную» политическую силу, способную обеспечить транзит власти. До этого времени в Косово, вероятно, будет преобладать персонифицированная система власти, отражающая клановую структуру региона.

Заключение

Если все-таки попытаться описать ситуацию в Юго-Восточной Европе в категориях транзита, то можно выделить два этапа его совершения. На *первом этапе* (конец 1980 – конец 1990-х гг.) произошла трансформация режимов. Она совершалась по иным механизмам, нежели в Центральной Европе, и по всем показателям была гораздо более насильственной. *Второй этап*, начавшийся в 2000-е гг., стал временем стабилизации или консервации режимов. В итоге, к концу 2000-х гг. политическое развитие в ряде стран ЮВЕ приобрело ряд черт, сближающих их с ЦЕ. С началом же в 2013–2014 гг. политических кризисов в странах балканского региона стала более заметна собственная специфика этих государств.

Склонность к персонифицированной власти является выражением данной специфики. В некоторой степени это объективная закономерность, связанная с организацией экономик и характером задач, которые стоят перед государствами. С другой стороны, авторитарные тенденции поддерживаются Брюсселем, заинтересованным в региональной стабильности и расширении своей экспансии. Разумеется, это происходит только там, где это отвечает его интересам. Даже если нынешняя «авторитарная волна» является временной, ее наличие подтверждает, что взгляд на развитие региональных процессов как на поступательный переход от авторитаризма к демократии – как минимум упрощение.

Наряду с этим в регионе происходит артикуляция старых и накопление новых проблем социального и этнополитического свойства. В результате сегодня стоит вопрос о его будущем в ближайшей, средне- и долгосрочной перспективе.

Ожидает ли ЮВЕ дальнейшая трансформация по благоприятному для Брюсселя сценарию и «мягкое» вхождение в евро-атлантическую сферу влияния? Произойдет ли стабилизация ситуации, подразумевающая урегулирование и решение существующих противоречий на разумных и компромиссных условиях и с ясной перспективой развития? Либо имеющиеся этнические и территориальные противоречия будут законсервированы на неопределенный срок с сохранением всех недостатков нынешней региональной конфигурации?

На сегодняшний день трудно дать четкий прогноз относительно вероятности любого из обозначенных векторов развития. Важно, что еврооптимистический сценарий, провозглашенный применительно к Балканам в начале 2000-х гг., является далеко не единственным. Возможны иные сценарии, связанные в том числе и с ломкой сложившихся региональных взаимосвязей, возрождением старых противоречий и возникновением новой проблематики.

Разумеется, при рассмотрении ситуации в регионе необходимо учитывать геополитический компонент – политику Европейского союза, США, Великобритании а также сопредельных Турции и России, интересы которых, являясь противоположными, могут временно сближаться. Возможно, ситуация в ЮВЕ сегодня гораздо точнее характеризуется в категориях «Восточного вопроса» XIX столетия, нежели постконфликтной стабилизации конца XX в.

Литература

1. Россия и Центрально-Восточная Европа: взаимоотношения в 2014–2015 гг. / Отв. ред. И.И. Орлик. М.: Ин-т экономики РАН, 2016. 378 с.
2. President Jean Claude Juncker's State of the Union Address 2017. Brussels, 13 September, 2017 [Электронный ресурс] // European Commission. Press Release Database. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm (дата обращения 23 сент. 2017).
3. *Офицеров-Бельский Д.* Преемственность и изменчивость в Восточной Европе // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М.: НИИ РСМД, 2017. С. 215–226.

4. CIA The World Factbook [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (дата обращения: 23 сент. 2017).
5. In Slovenia the new party, Miro Cerar (SMC) wins the general election [Электронный ресурс] // Foundation Robert Schuman. 2014. July 16. URL: <http://www.robert-schuman.eu/en/eem/1527-in-slovenia-the-new-party-miro-cerar-smc-wins-the-general-election> (дата обращения 23 сент. 2017).
6. Serbia Protests: Thousands Demand Vucic's Resignation [Электронный ресурс] // Balkan Insight. 2017. April 10. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/new-anti-govt-protests-starting-in-serbia-04-10-2017> (дата обращения 5 окт. 2017).
7. Пивоваренко А.А. Итоги президентских выборов в Хорватии [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2015. 14 янв. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-prezidentskikh-vyborov-v-khorvatii/> (дата обращения 23 сент. 2017).
8. Никифоров К.В. Четыре аспекта восточноевропейской трансформации // Между Москвой и Брюсселем / ред. К.В. Никифоров, Н.Ю. Калашникова. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 10–26.
9. Zagreb: Trg maršala Tita postao Trg Republike Hrvatske [Электронный ресурс] // Hrvatska Radiotelevizija. 01.09.2017. URL: <http://vijesti.hrt.hr/403004/gradskaskupstina-danas-o-preimenovanju-trga-marsala-tita> (дата обращения 5 сент. 2017).
10. Гуськова Е.Ю. Протест против диктатуры Мило Джукановича в Черногории (II) [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 2015. 14 окт.
11. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/10/14/protest-protiv-diktatury-milodzhukanovicha-v-chernogorii-ii-36060.html> (дата обращения 23 окт. 2017).
12. Пивоваренко А.А. Политическая статистика Боснии и Герцеговины [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2016. 5 июля. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasteurope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/> (дата обращения 16 сент. 2017).
13. Искендеров П.А. Боснийская весна и сербский закат [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. 2014. 14 фев. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/02/14/bosnijskaja-vesna-i-serbskij-zakat-25728.html> (дата обращения 17 авг. 2017).
14. Республика Сербская: отложенная цветная революция? [Электронный ресурс] // Newsland.com. 2016. 16 мая. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/respublika-serbskaia-otlozhennaia-tsvetnaia-revoliutsiia/5236047> (дата обращения 17 авг. 2017).
15. Završen protest u Banjaluci. Demonstranti tražili SMENU VLADE RS i poručili: “Njima je došao kraj!” (VIDEO) // Blic. 20.09.2017. URL: <http://www.blic.rs/vesti/republika-srpska/završen-protest-u-banjaluci-demonstranti-trazili-smenu-vlade-rs-i-porucili-njima-je/5sqvtqq> (дата обращения 17 авг. 2017).
16. Lider SNSD-a / Dodik: Mogu se kandidirati za člana Predsjedništva BiH [Электронный ресурс] // Radiosarajevo.ba. 03.07.2017. URL: <https://www.radiosarajevo.ba/vijesti/bosna-i-hercegovina/dodik-mogu-da-se-kandidujem-za-clana-predsjednistva-bih/267478> (дата обращения 17 авг. 2017).

17. Osnovan Nezavisni blok, interes građana veliki // Nezavisne Novine. 10.09.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nezavisne.com/novosti/bih/Osnovan-Nezavisni-blok-interes-gradjana-veliki/442456> (дата обращения 17 авг. 2017).
18. Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. 276 с.
20. Сепаратистички документ, терористички ултиматум во основа: Ова е целосниот текст на „Тиранската Платформа“ [Электронный ресурс] // Infomax.mk. 2017. 08 април. URL: <http://infomax.mk/wp/сепаратистички-документ-терористич/> (дата обращения 15 апр. 2017).
21. Capussela A.L. State-building in Kosovo. Democracy, corruption and the EU in the Balkans. London; New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2015. 320 p.
22. Statement by Zahir Tanin, Special Representative of the Secretary General and Head of UNMIK [Электронный ресурс]. Security Council. Debate on UNMIK. New York. 2017. Aug. 16.
23. URL: https://unmik.unmissions.org/sites/default/files/srsg_zahir_tanin_statement_to_the_security_council_16_august_2017.pdf (дата обращения 17 авг. 2017).
24. Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015 [Электронный ресурс]. Eurostat news release. 44/2016. 2016. March 4. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6> (дата обращения 17 авг. 2017).

References

1. Orlik II., ed. Russia and Central-Southeastern Europe: relations in 2014-2015. Moscow: Institut ekonomiki RAN Publ.; 2016. 378 p. (In Russ.)
2. President Jean Claude Juncker's State of the Union Address 2017 [Internet]. European Commission. Press Release Database. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-17-3165_en.htm
3. Ofitserov-Belskii D. Continuity and Variability in Eastern Europe. *Evolution of the Post-Soviet Space: Past, Present and Future*. Moscow: NP RSMD Publ.; 2017. P. 215-26. (In Russ.)
4. CIA The World Factbook [Internet]. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>
5. In Slovenia the new party, Miro Cerar (SMC) wins the general election. [Internet] // Foundation Robert Schuman. 2014. July 16. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: <http://www.robert-schuman.eu/en/eem/1527-in-slovenia-the-new-party-miro-cerar-smc-wins-the-general-election>
6. Serbia Protests: Thousands Demand Vucic's Resignation [Internet]. Balkan Insight. 2017. April 10. (data obrashcheniya 5 Oct. 2017). URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/new-anti-govt-protests-starting-in-serbia-04-10-2017>
7. Pivovarenko AA. The Results of the Presidential Elections in Croatia [Internet]. Russian Council on Foreign Affairs. 2015. 14 Jan. (data obrashcheniya 23 Sept. 2017). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-prezidentskikh-vyborov-v-khorvatii/> (In Russ.)

8. Nikiforov KV. Four Aspects of the Transformation in Eastern Europe. V: Nikiforov KV., ed. *Between Moscow and Brussels*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ.; 2016. p. 10-26. (In Russ.)
9. Zagreb: Trg maršala Tita postao Trg Republike Hrvatske [Internet]. Hrvatska Radiotelevizija. 01.09.2017. (data obrashcheniya 5 Sept. 2017). URL: <http://vijesti.hrt.hr/403004/gradska-skupstina-danas-o-preimenovanju-trga-marsala-tita>
10. Guskova EY. The Protest against the dictatorship of Milo Djukanovic in Montenegro (II) [Internet]. Strategic Culture Foundation. 2015. 14 Oct. (data obrashcheniya 23 Oct. 2017). URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/10/14/protest-protiv-diktatury-milo-dzhukanovicha-v-chernogorii-ii-36060.html> (In Russ.)
11. Pivovarenko AA. Political Statistics of Bosnia and Herzegovina [Internet]. Russian Council on Foreign Affairs. 2016. 5 Jul. (data obrashcheniya 16 Sept. 2017). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/southeasturope/politicheskaya-statistika-bosnii-i-gertsegoviny/> (In Russ.)
12. Iskenderov PA. The Bosnian Rise and the Serbian Fall [Internet]. Strategic Culture Foundation. 2014. 14 Feb. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <https://www.fondsk.ru/news/2014/02/14/bosnijskaja-vesna-i-serbskij-zakat-25728.html> (In Russ.)
13. Republika Srpska: the postponed orange revolution? [Internet] Newsland.com 2016. 16 May. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/respublika-serbskaia-otlozhennaia-tsvetnaia-revolutsiia/5236047> (In Russ.)
14. Završen protest u Banjaluci. Demonstranti tražili smenu vlade RS i poručili: “Njima je došao kraj!” (Video). Blic. 20.09.2017. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <http://www.blic.rs/vesti/republika-srpska/završen-protest-u-banjaluci-demonstranti-trazili-smenu-vlade-rs-i-porucili-njima-je/5sqvtqq>
15. Lider SNSD-a / Dodik: Mogu se kandidirati za člana Predsjedništva BiH [Internet]. Radiosarajevo.ba. 03.07.2017. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <https://www.radiosarajevo.ba/vijesti/bosna-i-hercegovina/dodik-mogu-da-se-kandidujem-za-clana-predsjednistva-bih/267478>
16. Osnovan Nezavisni blok, interes građana veliki [Internet]. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <http://www.nezavisne.com/novosti/bih/Osnovan-Nezavisni-blok-interes-gradjana-veliki/442456>
17. Koloskov EA. A Country Without a Name: International Aspect of the Establishment of the Macedonian State (1991-2001). Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN Publ.; 2013. 276 p. (In Russ.)
18. Сепаратистички документ, терористички ултиматум во основа: Ова е целосниот текст на „Тиранската Платформа“ [Internet]. Infomax.mk. 2017. 08 април. (data obrashcheniya 15 Apr. 2017). URL: <http://infomax.mk/wp/сепаратистички-документ-терористички/>
19. Capussela AL. *Statebuilding in Kosovo. Democracy, corruption and the EU in the Balkans*. London; New York: I.B. Tauris & Co Ltd Publ.; 2015. 320 p.

20. Statement by Zahir Tanin, Special Representative of the Secretary General and Head of UNMIK [Internet]. Security Council. Debate on UNMIK. New York. 2017. Aug. 16. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: https://unmik.unmissions.org/sites/default/files/srsg_zahir_tanin_statement_to_the_security_council_16_august_2017.pdf
21. Record number of over 1.2 million first time asylum seekers registered in 2015. Eurostat news release. 44/2016 [Internet]. Eurostat news release. 44/2016. 2016. March 4. (data obrashcheniya 17 Aug. 2017). URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6>

Информация об авторе

Александр А. Пивоваренко, кандидат исторических наук, Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 32А; aleksandar.a.p@ya.ru

Information about the author

Alexander A. Pivovarenko, PhD in History, Russian Academy of Sciences Institute of Slavonic Studies, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskii av., Moscow, Russia, 119991; aleksandar.a.p@ya.ru